

Д.А.Кузнецов, Е.А.Хулио

Международное измерение проблемы коренного населения Латинской Америки

В статье рассматриваются современные тенденции развития коренного населения Латинской Америки, а также препятствия, стоящие на пути усиления политической активности индейцев и раскрытия их потенциала на региональном и глобальном уровнях международных отношений. Описывается степень представленности этнополитических движений в регионе и роль коренных народов в становлении альтерглобалистского направления. Анализ доминирующего дискурса приводится через призму постколониальной концепции субальтернов (*Subaltern Studies*), на примере двух основополагающих документов: Декларации ООН о правах коренных народов от 2007 г. и Конвенции Международной организации труда № 169 от 1989 г. Авторы приходят к выводу о том, что коренное население Латинской Америки обладает значительным политическим потенциалом, но не может реализовать его в полной мере из-за превалирующей колониальной повестки, не позволяющей продвигать индейский вопрос на глобальном уровне и подавляющей участие коренных народов в политических процессах.

Ключевые слова: Латинская Америка, индейский ренессанс, коренные народы, альтерглобализм.

DOI: 10.31857/S0044748X0020915-5

Статья поступила в редакцию 31.03.2022.

До прибытия европейских колонистов американский континент был населен народами, жившими в изоляции от «западного» мира. С момента «открытия» Америки в 1492 г. отношения коренных народов и переселенцев из Старого Света носили скорее односторонний характер: автохтонные группы не смогли противостоять европейскому военному и административному потенциалу и оказались в подчиненном положении. Переломным моментом стал период 70—80-х годов XX в., который ознаменовался «индейским

Денис Андреевич Кузнецов — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0001-6265-2774>, kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru; Екатерина Александровна Хулио — магистр, выпускник программы профессиональной переподготовки по специальности «Международные отношения» МГИМО(У) МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-5745-5132>, eakhulio@gmail.com).

ренессансом», или «индейским возрождением». В это время коренное население становится политически активным, и этническая повестка начинает чаще звучать в публичном пространстве латиноамериканских стран.

В то же время на фоне глобализации ожидалось, что такие понятия, как нация и этнос, исчезнут, на смену им придут общемировые ценности, а все политические, социокультурные, экономические различия будут нивелированы. Однако по мере усиления взаимозависимости государств и ускорения глобализации стал наблюдаться обратный процесс — глокализация. Вместо принятия универсальных ценностей и отказа от культурной идентичности региональные различия между обществами не только сохранялись, но даже усиливались. Глобализация во многом пересекалась с тенденциями американизации и вестернизации, что задавало некий вектор развития всего процесса. Коренные народы поддержали альтерглобалистские движения и предложили другие пути регионального развития без опоры на западные ценности. По мнению российского этнографа Н.В.Ракуца, культура индейцев и ценности глобализации чужды друг другу, а иногда несовместимы: «Современное общество отождествляется с капитализмом и логикой извлечения максимальной прибыли» [1, с. 7]. При этом в рамках индейской модели развития идея экономической эффективности в духе формальной рациональности и эксплуатации природных ресурсов отвергается. Нерешенный аграрный вопрос усиливает социальную напряженность и радикализирует массовые протестные движения, а экологическая повестка становится предлогом для введения экономических санкций в международных отношениях.

SUBALTERN STUDIES: В ПОИСКЕ ГОЛОСА КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Концепция субальтернов (*Subaltern Studies*) позволяет изучить положение коренных народов с точки зрения постколониального дискурса. Авторы подхода — группа индийских ученых во главе с Ранаджитом Гуха — переосмыслили идеи марксизма, грамшизма, постколониализма, рефлексивизма и предложили новый взгляд на анализ истории с точки зрения субальтернов — угнетенных и подчиненных [2].

Историю конструируют и репрезентируют правящие элиты. За рамками дискурса остаются социальные группы, находящиеся в подчиненном положении по разным признакам, — от этнических до идеологических — субальтерны. Они безоговорочно принимают свой подчиненный статус и считают такое положение естественным и правильным, тем самым воспроизводя господствующий дискурс. У них нет собственного голоса, за них всегда говорят другие, привилегированные классы. Субальтерны не могут публично заявлять о том, что они угнетены, о своих интересах и даже о своем существовании как группы. При этом субальтерны могут сами воспроизводить доминирующий дискурс и стоять на страже этой мир-системы: чтобы быть услышанными, им необходимо принимать господствующие дискурсы, языки, традиции и нормы [3, р. 202].

В сфере международных отношений термин «субальтерн» также может применяться к различным странам, которые находятся на периферии системы, а доминирующие державы могут «говорить от их имени». Формат

международных организаций позволяет на официальном уровне говорить единым голосом и продвигать повестку доминанта.

Цель концепции — переосмыслить историю с позиции субальтернов, восстановить их вклад в развитие общества и отойти от элитарной предвзятости, имеющей место в академических работах [4, p. 10]. Но как это можно сделать, если субальтерн порой сам не готов признать свое угнетенное положение? Представители данного направления фокусируются на интерпретации письменных источников и выделяют три типа дискурса: первичный (официальные лица предоставляют данные и оценку по текущему событию), вторичный (анализ проводится уже спустя некоторое время, события осмысливаются с учетом новых нарративов, источниками могут служить официальные отчеты или мемуары), третичный (события исследуются учеными, которые удалены по времени от объекта [5, p. 1479].

Латиноамериканские ученые стали развивать направление *Subaltern Studies* уже в конце прошлого века. Среди основных теоретиков можно выделить Иллиану Ямилет Родригес, Джона Беверли, Альберто Морейраса, Роберта Карра, Хосе Рабаса и многих других [6]. В контексте Латинской Америки исследователи активно рассматривали взаимовлияние колонистов, местных народов и субальтернов. Так, история колониальных завоеваний сконструирована в большей степени представителями европейских стран, которые активно осваивали континент и фиксировали свою версию событий в письменных источниках. Такое положение дел неизбежно вело к смещению дискурса в сторону доминирующей европейской стороны. Даже слово «индеец» было придумано колонизаторами, поэтому оно ассоциируется с колониальным прошлым.

Другой пример: в некоторых культурах существовали ритуалы человеческих жертвоприношений, что провоцировало столкновения. Здесь было два противоборствующих дискурса: колониальный — продвижение «цивилизационных» ценностей, запрет на принесение людей в жертву, а также дискурс коренных народов, которые отстаивали многовековые традиции. Один голос остался неуслышанным: что думали сами жертвы ритуальных актов, т.е. субальтерны. Гегемония традиционной культуры в племенах поддерживалась местными элитами, которые хотели сохранить свое доминирующее положение и *status quo*, поэтому говорили от имени субальтернов. Но колонизаторы разрушили этот порядок, навязав свою картину мира. Таким образом, европейцы установили доминирование без гегемонии [7, p. 1508].

Латиноамериканские коренные народы во многом до «индейского ренессанса» стояли больше на позиции субальтернов, проблемы которых не выносились на широкое обсуждение. С момента «индейского возрождения» у них появился определенный голос. Но возникает вопрос: действительно ли продвигается новая повестка или воспроизводится дискурс элит?

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Несмотря на возрастающую роль коренных народов в развитии региона, большая их часть принадлежит к уязвимым социальным группам. Население Латинской Америки составляет 665 млн человек [8], из которых, по приблизительным данным, 58 млн являются представителями коренного населения [9, p. 7]. Определить точную цифру не всегда возможно, по-

скольким странам и международные организации применяют разные методики оценки при подсчете. Более того, в переписях латиноамериканских стран наблюдается тенденция на преуменьшение численности индейского населения. Официальное признание наличия «индейского вопроса» потребует от властей принятия определенных мер: выделения в пользование традиционных индейских территорий, обеспечения их охраны, ограничения добычи природных ресурсов, разработки экологических стандартов, контроля за деятельностью ТНК и т.д. Поэтому данные статистики занижаются, а на официальном уровне или признаются не все существующие этнические коренные группы, или, как в Уругвае и во Французской Гвиане, не признаются вовсе [1, сс. 200, 210].

В регионе насчитывается более 800 коренных народов, а по некоторым оценкам еще 200 живут в добровольной изоляции [9, р. 7]. Больше всего автохтонных групп проживает в Бразилии (305), Колумбии (102) и Перу (85). Однако по абсолютной численности коренного населения лидируют Мексика (17 млн), Перу (7 млн), Боливия (6,2 млн) и Гватемала (5,9 млн). Боливия также является самой «индейской» латиноамериканской страной, поскольку доля коренных народов составляет больше половины населения (см. рис. 1).

В большинстве стран Латинской Америки наблюдаются процессы деэтнизации. Постепенная утрата этнической идентичности и культурной самобытности во многом связана с нерешенным земельным вопросом. Для индейских групп земля — не только фактор физического выживания, но и способ воспроизводства культуры. Как правило, традиционные индейские территории полны природных богатств, что делает их желанным объектом для государства, местных земельных собственников и ТНК. По оценкам 2015 г. международной неправительственной организации «Инициатива по правам и ресурсам» (*Rights and Resources Initiative*) [12, р. 12], в собственности у коренных народов Латинской Америки находится 18% земель, 5% закреплено за общинами, а владения государства составляют 77%. При этом наибольшая доля земельной собственности коренных народов отмечается в Мексике (52%), Боливии (36%), Перу (35%) и Колумбии (34%). Многие коренные народы ожидают демаркации своих границ или выделения им исконных территорий, но процессы затягиваются по разным причинам — от бюрократических сложностей до нежелания властей предоставлять земли, что приводит к нарастающей напряженности и конфликтам. Утрата земли ведет к утрате культуры, поэтому индейские движения приобретают экологизированный характер.

Стремясь избежать близкого контакта с современным обществом, некоторые народы решаются уйти в добровольную изоляцию, чтобы оградиться от глобализации и сохранить самобытную культуру, как, например, этносы в Эквадоре на территории Национального парка *Yasuni*. Однако такое решение не снижает риски принудительных контактов. В большинстве случаев государства, сохраняя приверженность подходу неоксэкстративизма, не спешат брать на себя обязательства по охране изолированных групп и предоставлять им земли для уединенного проживания, даже не считая тех сообществ, которые еще не вступали в контакт с внешним миром [13, с. 24]. Внести вклад в сохранение нетронутых культур удастся в основном усилиями местных активистов и международных организаций. Например, в Бразилии разработана уникальная программа по работе с изолированными группами коренных народов, а

Международное измерение проблемы коренного населения Латинской Америки

во многих странах, в частности в Перу и Боливии, формируются специальные резервации. Однако права индейских народов регулярно нарушаются, и контакты с внешним миром становятся неизбежными [1, с. 57].

Рис. 1. ЧИСЛЕННОСТЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Источник: 10; 11, p. 20; 1, сс. 208, 217, 224.

Почти половина коренных народов Латинской Америки живет в нищете. Ликвидация бедности — одна из целей в области устойчивого развития ООН [14], однако, по данным Всемирного банка, «несмотря на принятие программ... среди коренных народов повсеместно преобладает хроническая бедность» [15, с. 23]. Согласно отчету Международной организации труда (МОТ), 45,5% коренного населения Латинской Америки находится за чертой бедности, зарабо-

тывая меньше 5,5 долл. в день, что почти в два раза выше показателя бедности у некоренного населения (22,9%) [16, р. 96]. Пауперизация коренных народов ведет к повышению уровня преступности. Как указывает Н.В.Ракуц, зачастую против индейцев организовывались кампании в СМИ для создания образа маргинала и преступника, чтобы оправдать их насильственное переселение с плодородных земель [1, с. 140].

Ускорение урбанизации коренных народов становится следствием нерешенности земельного вопроса. По данным МОТ, 52,2% коренных народов Латинской Америки проживают в городах [16, р. 58]. Оставшись без земли, представители коренных народов в поисках низкоквалифицированной работы вынуждены переселяться в крупные центры. В регионе самый большой разрыв в мире по уровню оплаты труда: коренные народы зарабатывают на 31,2% меньше, чем остальное население. Представители автохтонных групп чаще соглашаются на неофициальное трудоустройство (82,6% коренного населения против 51,1% некоренного) [16, pp. 16, 18]. Таким образом, большое количество членов этих групп занято в неформальном секторе экономики, что ведет к ухудшению условий труда и создает препятствия для отстаивания ими своих прав. Низкий уровень образования также становится препятствием для получения работы с достойной оплатой труда. Среди работающего коренного населения каждый третий не имеет образования, что в 2,5 раза больше показателя, фиксируемого у некоренного населения (31,7% против 12,8%). Начальное образование есть у 39,3% коренного населения, что примерно сопоставимо с долей остального населения — 38,5%. Но на следующих уровнях образования наблюдаются сильные различия: коренное население практически в два раза реже получает среднее и высшее образование, чем некоренное (18,7% против 30,6% в категории среднего уровня, 10,3% против 18,2% в категории высшего уровня) [16, р. 81]. Текущая ситуация обусловлена неравным доступом населения к образовательным социальным лифтам. Даже в случае бесплатного базового образования родители из числа коренных народов не всегда могут оплатить сопутствующие расходы (учебные материалы, форму, оплату питания и т.д.). Кроме того, не все согласны с программой, в которой не учитываются культурные различия автохтонных групп и не предусмотрено обучение на двух языках.

Сохранение культуры коренного населения во многом зависит от решения земельного вопроса, а промедление здесь приводит к деэтнизации, пауперизации, маргинализации и социальной эксклюзии автохтонных групп. «Неизбежное при модернизации наступление на традиционный общинный уклад, усиление ассимиляционных процессов вызвали закономерное стремление «воспрянувших народов» к самосохранению» [17, с. 11].

«ИНДЕЙСКИЙ РЕНЕССАНС» КАК УСИЛЕНИЕ ГОЛОСА КОРЕННЫХ НАРОДОВ

В конце XX в. «индейское возрождение» в Латинской Америке сопровождалось активизацией борьбы коренных народов за свои права. Во многом этому способствовала волна демократизации и институциональных реформ на региональном уровне [18], что позволило автохтонным группам использовать новые инструменты и системные механизмы для этнополитической мобилизации и актуализации региональной повестки дня. Децен-

трализация власти и усиление локальных институтов, с одной стороны, упрощали и ускоряли коммуникацию коренного населения с представителями власти, но, с другой стороны, многие поднимаемые вопросы замалчивались и не передавались на более высокий уровень из-за бюрократизации и коррумпированности властных структур [1, сс. 114, 132, 141]. В итоге это приводило к радикализации этнополитических движений на фоне хронических социально-экономических проблем [19, р. 142].

Усиление голоса коренного населения происходило на фоне политики государств, направленной на подавление этнической идентичности и интеграции автохтонных групп в общенациональную. Активные шаги в сторону принудительной ассимиляции вызвали обратный эффект у индейских общин и еще больше усиливали их желание отстаивать право на самоопределение. Их стремление получило поддержку международного сообщества и способствовало расширению международной правовой базы по защите прав коренных народов [20, р. 1]. Однако существенным препятствием на пути к широкой политической представленности коренных народов стала приверженность государств экстрактивистской модели экономики, которая идет вразрез с миропониманием представителей местных культур и напрямую ухудшает положение коренных народов. Желание властей быстро модернизировать экономику привело к активной эксплуатации природных ресурсов Латинской Америки и к тесному сотрудничеству с ТНК. Экологический аспект реализуемых проектов отходил на второй план, что оказывало пагубное воздействие на окружающую среду и провоцировало многочисленные конфликты на этой почве [21]. Коренные народы как хранители плодородных земель стали основными антагонистами экстрактивистской политики и невольно взяли на себя роль защитников окружающей среды в своем регионе. Повестка дня этнополитических движений стала приобретать экологизированный характер и начала находить отклик среди приверженцев международной тенденции на развитие «зеленой экономики». При этом экологические проблемы все чаще становятся поводом для политического давления на те или иные страны, введения экономических санкций и прекращения макропроектов [22, с. 66].

Несмотря на то, что этнополитические движения коренных народов в основном происходят на локальном уровне в рамках общин и отдельных государств, проблемы, которые поднимают их участники, носят региональный характер и формируют совместную повестку для всех стран Латинской Америки. В качестве примеров можно привести признание коренных народов, расширение конституционных прав, борьбу за права человека, решение аграрного вопроса, защиту окружающей среды, сохранение языка и культуры, право на добровольную изоляцию, борьбу с COVID-19 и т.д. Масштабы таких движений разные — от криминальных действий и уличных протестов до создания партий и привлечения международной общественности.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ В РАЗВИТИИ АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМА В РЕГИОНЕ

Одним из самых крупномасштабных выступлений коренных народов периода «индейского возрождения» стало вооруженное восстание Сапатистской армии национального освобождения (*Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN*) в Мексике в 1994 г. Автохтонные группы жили

в условиях бедности и занимали крайне пассивную политическую позицию как субалтерны. Многолетним сдерживающим фактором для них была надежда получить обещанную землю от государства и наладить свой традиционный быт. Их политическая мобилизация и присоединение к леворадикальному движению стали во многом следствием определенного международного события: в 1992 г. в процессе подготовки к вступлению в Североамериканское соглашение о свободной торговле (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*) Мексика внесла поправки в 27-ю статью Конституции, согласно которой общинные земли коренных народов теперь могут подлежать купле-продаже и приватизации, государство отказалось от обязательств по распределению земель между общинами [23, с. 49]. Такой шаг лишил местные этнические группы последних надежд и подвел к идее борьбы за свои права.

Коренные народы Мексики стали социальной основой *EZLN* — леворадикального движения с альтерглобалистской направленностью. Вооруженное восстание началось в преддверии ратификации договора *NAFTA* как протест против неолиберальных реформ. Индейские выступления угрожали международному имиджу Мексики как страны, благонадежной для инвестиций иностранного капитала. Силовое подавление движения со стороны правительства было невозможно: взгляды широкой международной общественности были прикованы к этому противостоянию, поэтому оставалось только сесть за стол переговоров. По результатам обсуждений в 1996 г. были подписаны Сан-Андресские соглашения, но впоследствии договоренности реализованы не были, а Мексика стала членом *NAFTA*. Несмотря на этот итог, восстание сыграло решающую роль в политической мобилизации коренных народов и осознании себя как действующего актора, оно позволило ввести новые, ненасильственные практики взаимодействия между властью и этническими группами [24, с. 51]. В дальнейшем лидеры неосапатистского движения продолжили свою деятельность, взяв курс на реализацию умеренной программы и развитие альтерглобалистского дискурса в рамках социальных форумов и конференций, публичных обсуждений и массовых шествий [25, с. 61].

В 1990-е годы по примеру Мексики этнические протестные движения радикальной направленности охватили многие страны континента. В Венесуэле проходили протестные выступления против деятельности Международного валютного фонда (МВФ), в Чили устраивались акции протеста с блокированием дорог, забастовками. В Эквадоре движение коренных народов проявило себя как одно из самых организованных в регионе: Конфедерация коренных народов Эквадора (*La Confederación de Nacionalidades Indígenas del Ecuador, CONAIE*) стала ядром общенациональных протестов того времени и возглавила ряды оппозиции. На ее счету — смещение трех президентов в кооперации с военными, профсоюзами и студенческими группами: Абдалы Букарама (1996—1997 гг.), Хамиля Мауада (1998—2000 гг.), Лусио Гутьерреса (2003—2005 гг.) [18]. В 1990 г. эквадорские кичуа устроили мятеж и заявили в манифесте *Inti Raymi* о несогласии с неолиберальной политикой властей, проводимой при участии монополистов и МВФ [26, с. 76].

События периода «индейского возрождения» стали ответом на социальные последствия неолиберальной глобализации. Нарастающая напряженность и усиливающееся чувство обреченности в обществе привели к тому, что первые протестные движения коренных народов приняли самую ради-

кальную форму в виде сапатизма, анархизма, марксизма-ленинизма, троцкизма. В дальнейшем, хотя и были найдены другие, ненасильственные формы протеста, радикализм остался важной частью политической культуры коренных народов и повлиял на протестные практики всего региона. «Индийский ренессанс» привел коренные народы к мысли о возможности альтернативного пути развития. Эта идея звучала в унисон с настроениями в обществах латиноамериканских стран и в дальнейшем получила широкую поддержку в виде альтерглобалистского движения [27, с. 13].

На фоне альтерглобалистских настроений голоса индейского электората становились все более весомыми, что привело политический маятник в движение и способствовало «левому повороту» многих стран Латинской Америки (1998—2016 гг.), главной чертой которого стала синхронность прихода к власти левых правительств через демократические выборы. Одной из первых стран стала Венесуэла, где в 1998 г. на президентских выборах победил Уго Чавес (2002—2013 гг.), горячо поддерживаемый коренными народами. За время его правления было реализовано множество социальных программ по улучшению жизни автохтонных групп, создана одна из самых передовых Конституций региона по обеспечению прав и гарантий коренного населения при непосредственном их участии в разработке документа [1, с. 111]. В Бразилии президент Луис Инасиу Лула да Силва (2003—2010 гг.) с 2003 г. также развивал культурную политику в отношении коренных народов, хотя и более умеренную по сравнению с венесуэльским подходом. В том же году к власти в Аргентине пришел представитель левого крыла Нестор Киршнер (2003—2007 гг.), которому предстояло бороться с последствиями недавнего дефолта. В Боливии в 1995 г. представитель коренного населения — Эво Моралес (2006 — 2019 гг.) — создал политическую партию Движение к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*). Затем в ряде стран также приходили к власти левые правительства: в Чили (2006 г.), Эквадоре (2007 г.), Никарагуа (2007 г.) и многих других.

Массовые движения коренных народов в составе общенациональных положили начало альтерглобалистскому курсу и привели к власти правительства левого толка, которые продолжили альтерглобалистскую риторику на региональном и международном уровнях. Такое уникальное сочетание альтерглобализма «снизу» и «сверху» породило понятие «государственного альтерглобализма» [25, с. 53]. Латиноамериканские страны в своей внешней политике делали акцент на национальном суверенитете, региональной интеграции, поиске особого пути развития и на противостоянии гегемонии США.

Отправной точкой для становления альтерглобалистского движения латиноамериканского региона стало противостояние проекту Панамериканской зоны свободной торговли (*Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA*), который был инициирован США в 1990 г. По официальной задумке организаторов новый торгово-экономический союз двух Америк, за исключением Кубы, позволил бы открыть рынки для взаимного обмена товарами, услугами, технологиями и трудовыми ресурсами. В действительности проект был нацелен на «получение односторонних преимуществ и выгод для североамериканского капитала» [28]. США намеревались таким образом упрочить свое доминирование в постбиполярном мире, расширить

представленность неолиберальной модели экономики в латиноамериканском регионе и ослабить субрегиональную интеграцию [29].

Проект *ALCA* стал олицетворением неолиберальной глобализации, что вызвало активные протесты альтерглобалистского движения с участием коренных народов во многих странах Латинской Америки. На этой почве сформировалась новая организация латиноамериканского альтерглобализма — Континентальный социальный альянс (*Alianza Social Continental, ASC*), который включал в себя более 300 региональных движений из 35 стран и ставил целью, как минимум, добиться открытости и гласности переговоров о *ALCA*, а как максимум — прекращение проекта [27, сс. 16, 17]. *ALCA* разрабатывался и обсуждался «за закрытыми дверями», США вели переговоры строго в двустороннем формате с каждой страной без какой-либо гласности, что предполагало «развитие событий по неблагоприятному сценарию, ибо таким образом размывалась региональная сплоченность» [28]. В 2001 г. было выполнено первое требование — опубликован предварительный вариант соглашения *ALCA*, что позволило альтерглобалистам перейти к более предметной критике. На этом фоне увеличилось число массовых протестных акций в регионе с участием коренных народов, что стало одной из решающих причин срыва первоначального проекта в 2004 г. Это был определенный успех альтерглобалистского движения Латинской Америки.

ПРОБЛЕМА КОРЕННЫХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Идея о региональной интеграции и самобытном пути развития латиноамериканских стран привела к созданию антипода *ALCA* — Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*). Венесуэла и Куба в 2004 г. выступили с инициативой экономической интеграции и развития на основе социализма и коллективной защиты независимости [30].

В рамках проекта *ALBA* У.Чавес видел свое предназначение в продолжении дела национального героя страны Симона Боливара по интеграции латиноамериканского региона и борьбе с наследием колониализма, что привело к идейному противостоянию с *ALCA*. Именно поэтому *ALBA* стала во многом продолжением национальной политики Чавеса по защите прав коренных народов, но уже на региональном уровне. Автохтонные группы, со своей стороны, также поддерживали альтерглобалистскую инициативу, которая отражала приверженность важным социальным программам — от здравоохранения и образования до сельского хозяйства и борьбы с коронавирусной инфекцией [30].

В целом проект *ALBA* включал в себя планы по введению региональной денежной валюты, энергетической интеграции в виде создания единой нефтяной и газовой компании *PetroAmerica*, организации многонациональных корпораций (МНК) взамен ТНК, созданию Южноамериканского банка как альтернативы Межамериканскому банку развития от Организации американских государств (*Organización de los Estados Americanos, OEA*). Предусматривалось также создание Организации Южноатлантического договора (*Organización del Tratado del Atlántico Sur, OTAS*) в противовес Организации Североатлантического договора (НАТО), Латиноамерикан-

ского валютного фонда как альтернативы МВФ, информационного агентства *Telesur* как конкурента глобальных медиа [29]. Таким образом, проект *ALBA* носил альтерглобалистскую направленность и был нацелен на поиск нового пути развития, отличного от западного. Однако планы по его осуществлению подвергались критике: новые структуры во многом повторяли старую неолиберальную форму, хотя и имели противоположное содержание, в связи с чем возникало сомнение, сможет ли *ALBA* решить проблемы региона, используя прежние подходы. А с усилением кризиса в Венесуэле, которая была идейным вдохновителем движения, позиции *ALBA* начали ослабевать, и поддержка коренных народов была поставлена под вопрос.

На этом фоне Бразилия инициировала новый проект — Союз южноамериканских наций (*Unión de Naciones Suramericanas, Unasur*). Планировалось введение единой валюты и создание наднациональных органов по образцу Европейского союза. Целями *Unasur* были формирование зоны свободной торговли между Общим рынком стран Южной Америки (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) и Андским сообществом наций (*Comunidad Andina de Naciones, CAN*), а также интеграция всего южноамериканского пространства. *Unasur* оттеснил на второй план *OEA*, взяв на себя основную роль по урегулированию конфликтов в регионе и курс на сохранение системы знаний автохтонных групп [31, с. 192]. Однако из-за нарастания противоречий между левыми и правыми режимами в 2018 г. [32] из *Unasur* вышли крупные страны, поставив под сомнение существование организации и в том числе ее деятельность по защите автохтонных групп. В противовес была создана правая структура — Форум за прогресс и интеграцию Южной Америки (*Foro para el Progreso e integración de América del Sur, Prosur*), целями которой стали построение неолиберальной экономики и сближение с США, что шло вразрез с нуждами коренных народов.

Попытку поддержать автохтонные группы предпринял и *Mercosur*, который с 2006 г. включил в число официальных языков организации гуаранí [33] — распространенный язык коренных народов на территории таких стран-членов, как Бразилия, Парагвай и Аргентина. Однако рабочими языками остаются только испанский и португальский, а информация на сайте дублируется на английском. Таким образом, выбор языка гуаранí в качестве официального имеет скорее символическое значение.

В то же время есть ряд позитивных инициатив, которые удалось реализовать в длительной перспективе. Например, на фоне экологизации этнополитических движений особую значимость стала приобретать индейская концепция *Buen Vivir* — «Хорошая/достойная жизнь», согласно которой нужно жить в гармонии с природой, бережно к ней относиться и брать только самое необходимое. Концепция имеет глубинную экзистенциальную составляющую и отражает миропонимание коренных народов и их уникальную парадигму развития. Подход охватывает не только вопросы экологии, но и широкий спектр социально-экономических вопросов. Однако в зависимости от каждой страны те или иные аспекты концепции могут варьироваться, например, эквадорская *Sumak Kawsay* не эквивалентна боливийской *Suma Qamaña* [34, с. 11]. Наиболее успешно концепция реализована на институциональном уровне в Эквадоре и Боливии (2007—2008 гг.), а также стала глобальной альтернативой экстрактивистской модели экономики и

прочно вошла в политическую риторику и легальное поле во всем латиноамериканском регионе [22, с. 66].

Концепция *Buen Vivir* нашла отражение в миссии Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*). Организация охватывает 33 страны и активно продвигает повестку коренных народов. С 1992 г. при *CELAC* действует Фонд развития коренных народов Латинской Америки и Карибского бассейна (*Fondo para el Desarrollo de los Pueblos Indígenas de América Latina y El Caribe, FILAC*); сейчас его миссия состоит в продвижении концепции *Buen Vivir* через соблюдение прав человека, создание равных возможностей, преодоление дискриминации, установление диалога между государствами и автохтонными группами [35]. В 2021 г. члены *FILAC* поддержали создание Иберо-американского института языков коренных народов и инициативу ООН по проведению Международного десятилетия языков коренных народов (2022—2032) [36].

CAN, которое с 1969 г. объединяет Боливию, Колумбию, Эквадор и Перу, разработало интеграционный механизм, при котором коренные народы принимают участие в обсуждении острых социальных вопросов. В структуре организации функционирует консультативный совет коренных народов, в состав которого входят представители автохтонных групп от каждой страны-участницы; он собирается не реже двух раз в год. Цель совета — содействовать активному участию коренных народов в решении вопросов субрегиональной интеграции, выполняя роль консультантов [37, р. 17].

В то же время игнорирование индейского вопроса и связанной с ним этноэкологической повестки подвергается критике со стороны международного сообщества и становится поводом для экономических санкций. Например, политика президента Бразилии Жаира Болсонару (2019 — н/в) по тушению пожаров в Амазонии стала предметом споров с Европейским союзом. Под угрозой оказалась ратификация соглашения между ЕС и *Mercosur* [38]. Латиноамериканские государства также неоднократно становились участниками судебного процесса, инициированного коренными народами в Межамериканском суде по правам человека [20, р. 18]. Однако постановления и рекомендации суда в большинстве случаев игнорировались государствами [1, сс. 86, 151, 163, 164, 168, 219, 221].

Таким образом, коренные народы стали основой общенациональных социальных движений и внесли весомый вклад в развитие альтерглобализма на региональном уровне. Автохтонные группы предложили иной взгляд на путь развития латиноамериканского региона, где в основе лежит уважение и бережное отношение к природе в отличие от экстрактивистской модели экономики. Повышению активности коренных народов во многом способствовали накопленный за годы споров с представителями власти опыт, участие в политических процессах в целях отстаивания своих интересов, общение с международными инстанциями. Однако при всей массовости протестных движений коренных народов есть определенные препятствия, мешающие им действовать в полную силу. Прежде всего речь идет о хронических социально-экономических проблемах, которые не позволяют подняться на более высокий уровень по иерархии потребностей. Как отмечает Н.В.Рауц [1, с. 51], государства применяют двойные стандарты: в законодательной базе закрепляются права местных культур, а на деле международные

организации фиксируют массовые нарушения [39, pp. 329-484]. Для большей включенности коренных народов в развитие тех или иных стран потребуются политическая воля правительств латиноамериканских государств и пересмотр их политики по отношению к автохтонным группам.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ ООН

Для Латинской Америки участие в деятельности ООН — это не просто внешнеполитическая активность, а, прежде всего, возможность преодоления периферийного статуса региона путем причастности к решению острых международных вопросов, в том числе по защите прав и свобод коренных народов. основополагающими документами в этой сфере стали Декларация ООН о правах коренных народов от 2007 г. [40] и Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 169 от 1989 г. [41].

Декларация находилась в процессе подготовки более 20 лет. В 1982 г. была создана рабочая группа, цель которой — разработка документа с «минимальными стандартами для обеспечения выживания, уважения достоинства и благополучия коренных народов мира» [40]. Для консультаций приглашались представители коренных народов, но окончательное решение принималось странами — членами ООН. Процесс создания декларации сильно затягивался из-за многочисленных дебатов, касающихся ее содержания, в частности, о правах коренных народов на самоопределение и по контролю над природными ресурсами на их традиционных землях. Вскоре после начала деятельности рабочей группы в МОТ подверглась пересмотру Конвенция № 107, и специалисты организации приступили к подготовке новой Конвенции № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». В итоге 31 страна Латинской Америки приняла Декларацию ООН, а Конвенцию МОТ № 169 ратифицировали 15 стран региона, и еще 5 продолжили следовать Конвенции МОТ № 107 (Венесуэла, Куба, Панама, Сальвадор, Доминиканская Республика) [42; 43; 44].

Декларация ООН и конвенция МОТ играют первостепенную роль в деле защиты и продвижения прав коренных народов. Однако документы неоднократно подвергались критике, прежде всего, за отсутствие единого определения «коренные народы» [45, с. 6]. В текстах нет четкого юридического термина, который мог бы использоваться как универсальный. Основной акцент сделан на самоидентификации, и решающее слово в рассмотрении конфликтов остается за странами-участницами [46, с. 413]. Например, в перуанском законодательстве автохтонные группы признаются не как коренные народы, а как общины; в Аргентине понятия «индеец» и «член общины» практически равнозначны, что автоматически исключает тех, кто живет в городах; в Чили нет понятия «коренные народы», есть только «этнические группы»; в Эквадоре выделяются индейские «национальности», которые могут включать в себя несколько народов с общими корнями; в Уругвае и вообще отрицается существование коренных народов в стране, несмотря на протесты населения. Отсутствие единого подхода к определению понятия «коренные народы» на международном и региональном уровнях приводит к разным толкованиям, а процесс признания сопровождается долгими бюрократическими процедурами [1, сс. 36, 81, 132, 143, 200].

Другой аспект, неоднократно подвергавшийся критике, — отсутствие возможности у коренного населения создать собственное государство. В документах подчеркивается историческая значимость автохтонных групп и самобытность их культур, но допускается лишь автономия в составе сложившихся государств. В упоминавшейся книге Н.В.Рауца подчеркивается, что сами коренные народы обычно не проявляли сепаратистских настроений и не поднимали вопрос о полном отделении, понимая масштаб противостояния и маловероятность успеха [1, с. 33].

Господствующий дискурс также проявился в уровне строгости соблюдения прав коренных народов и обязанностей государств. При описании прав автохтонных групп в тексте документа используются четкие формулировки, а обязанности государств описываются максимально гибко и с различными уточнениями: «где это возможно», «при необходимости», «государства стремятся обеспечить возможность». Такие формулировки позволяют странам обходить предписания декларации. Например, в 2013 г. власти Эквадора пригласили коренные народы для предварительных консультаций по законопроекту о водных ресурсах, но большинство общин не получили приглашение. На ознакомление был предложен объемный текст со сложной технической терминологией, а на обратную связь было дано всего 20 дней, хотя сам закон разрабатывался три года. Таким образом, коренные народы оказались в ситуации, когда они никак не могли выполнить необходимые условия, хотя формально предписание декларации о предварительных консультациях было соблюдено.

Несмотря на провозглашение антиинтеграционистской политики, Декларация ООН и Конвенция МОТ в той или иной степени косвенно предполагают включение коренных народов в современное общество. В документах не затронуты права изолированных коренных групп. Их формат предполагает, что коренные народы должны уже находиться, как минимум, на первой стадии «контактов с цивилизацией», чтобы государства могли выполнять предписания декларации. Так, переселение коренных народов с их традиционных земель, размещение на их территориях опасных материалов, проведение локальных военных действий или принятие законодательных и административных мер по индейским вопросам невозможно без согласия коренных народов. А получение согласия фактически означает нарушение целостности изолированных групп и форсирование исполнения контактов. В противном случае государство единолично принимает решение без вовлечения изолированных групп, что не всегда идет на пользу последним. Кроме того, есть еще и группы, добровольно уходящие в изоляцию с целью сохранения традиционного быта. Такой сценарий тоже не учитывается.

В нынешних версиях декларации и конвенции четко просматривается закрепление колониального дискурса: решающее слово принадлежит господствующему классу как в составлении, так и в трактовке их положений. Приоритет отдается сохранению *status quo* в рамках современных границ, и создание коренными народами самостоятельных государств не допускается.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК ФАКТОР ПОДАВЛЕНИЯ АКТОРНОСТИ

Коренное население обладает значительным политическим потенциалом, но в действительности не может его реализовать в полной мере в силу

доминирования колониального дискурса, не позволяющего продвигать индейскую повестку на глобальном уровне и подавляющего способность коренных народов заявлять о себе. Главная причина такой ситуации состоит в стремлении господствующего класса сохранить территориальный суверенитет современных государств и расширить свои полномочия по использованию природных ресурсов, минимально отчитываясь о своей деятельности и избегая экологического контроля. Индейцы исторически стремились сохранить традиционные земли предков, что шло вразрез с политикой властей. В этой связи международные документы ООН по продвижению прав коренных народов, с одной стороны, стали важной вехой в истории развития автохтонных групп, но, с другой стороны, в определенной степени также закрепили колониальное наследие. Прежде всего это касается отсутствия юридического определения термина «коренное население», так как наличие четкого определения повлечет за собой необходимость наделить это население землей. Права государств описываются максимально гибко. Это сделано для того, чтобы дать возможность властям совершать политические маневры. Права создавать свое государство или не вступать в контакт с цивилизацией у коренных народов нет. Доминирующий дискурс предполагает интеграцию индейского населения в современное общество и принятие ими универсальных ценностей и общемировых «правил игры».

Коренные народы пока не стали самостоятельным актором региональных и международных отношений. Они вносят важный вклад в развитие региона путем участия в общенациональных движениях и поддержки демократических институтов, но пока не могут вносить свои требования в повестку дня и остаются главными антагонистами на пути экстрактивистской модели экономики. Отправными точками для налаживания диалога между властями и коренными жителями региона могут стать выработка и юридическое закрепление единого определения понятия «коренные народы» на международном уровне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии). М., ИЛА РАН, 2018, 264 с. [N.V.Rakuts. Kultura indejskih narodov i politika gosudarstva (yuzhnoamerikanskije realii) [Indian Culture and State Policy (South American Reality)]. Moscow, ILA RAN, 2018, 264 p.
2. Guha R. Subaltern Studies: in 3 vol. Delhi, Oxford University Press, 1982-1999.
3. Spivak G.C. Subaltern Studies: Deconstructing Historiography. *Subaltern Studies*. Delhi, Oxford University Press, 1988, pp. 197-221.
4. Chakrabarty D. Subaltern Studies and Postcolonial Historiography. *Nepantla: views from South*. Durham, 2000, vol. 1, Issue 1, pp. 9-33.
5. Prakash G. Subaltern Studies as Postcolonial Criticism. *The American Historical Review*. Chicago, 1994, vol. 99, N 5, pp. 1475-1490. DOI 10.2307/2168385.
6. The Latin American Subaltern Studies Reader. Durham and London, Duke University Press, 2001, 446 p.
7. Mallon F.E. The Promise and Dilemma of Subaltern Studies: Perspectives from Latin American History. *The American Historical Review*. Chicago, 1994, vol. 99, N 5, pp. 1491-1515. DOI 10.2307/2168386.
8. Interactive Demographic Indicators: ECLAC. Available at: <https://www.cepal.org/en/demographic-indicators-interactive-data> (accessed: 27.03.2022).
9. Acosta L., Ribotta B. Visibilidad estadística y mecanismos participativos de los pueblos indígenas en América Latina: avances y desafíos. Documentos de Proyectos. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), 2022, 55 p.

10. Коренные народы Латинской Америки. Экономическая комиссия ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна, 2014. [Korennyye narody Latinskoj Ameriki. Ekonomicheskaya komissiya OON po stranam Latinskoj Ameriki i Karibskogo bassejna, 2014. [Indigenous Peoples of Latin America: ECLAC, 2014]. Available at: <https://www.cepal.org/es/infografias/los-pueblos-indigenas-en-america-latina> (accessed: 27.04.2022).
11. Belize Population and Housing Census: Country Report 2010. Belmopan, The Statistical Institute of Belize, 2013, 158 p.
12. Who Owns the World's Land? A Global Baseline of Formally Recognized Indigenous and Community Land Rights. Washington, DC, Rights and Resources Initiative, September 2015, 44 p.
13. Свампа М. Бросая вызов нео-экстрактивизму в Латинской Америке. *Глобальный диалог*. СПб., 2016, № 1, т. 6, сс. 24-25. [Svampa M. Brosaya vyzov neo-ekstraktivizmu v Latinskoj Amerike. [Challenging Neo-Extractivism in Latin America]. *Globalny Dialog*. Saint Petersburg, 2016, N 1, vol. 6, pp. 24-25 (In Russ.).
14. ООН Цели в области устойчивого развития. [OON Celi v oblasti ustojchivogo razvitiya. [UN The Sustainable Development Goals]. (In Russ.). Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed: 28.03.2022).
15. Холл Дж., Патринос Х.Э. Коренные народы Латинской Америки: политическое влияние коренных народов усиливается, а их отставание сохраняется. *Финансы & развитие*. М., 2005, декабрь, сс. 23-25. [Hall J., Patrinos H.E. Korennyye narody Latinskoj Ameriki: politicheskoe vliyanie korennyh narodov usilivaetsya, a ih otstavanie sohranyaetsya. [Indigenous Peoples of Latin America: Indigenous Peoples' Political Influence is Growing, but They are Still Lagging Behind]. *Financy & razvitie*. Moscow, 2005, December, pp. 23-25 (In Russ.).
16. Implementing the ILO Indigenous and Tribal Peoples Convention N 169: Towards an Inclusive, Sustainable and Just Future. Geneva, ILO, 2019, 156 p.
17. Шинкаренко А.А. Проблемы политического участия индейских движений. *Индийский мир перед вызовами XX века. Сборник статей*. Отв.ред. Чумакова М.Л., Мартынов Б.Ф. Москва, ИЛА РАН, 2011, сс. 11-37. [Shinkarenko A.A. Problemy politicheskogo uchastiya indejskih dvizhenij [Problems of Political Participation of Indian Movements]. *Indejskij mir pered vyzovami XX veka. Sbornik statej*. [The Indian World Before the Challenges of the Twentieth Century]. Moscow, ILA RAN, 2011, pp. 11-37.
18. Чернышев А.Л. Индейский раскрас латиноамериканской политики: региональная панорама и эквадорский кейс. *Российский совет по международным делам*. 07.11.2019. [Chernyshev A.L. Indejskij raskras latinoamerikanskoj politiki: regional'naya panorama i ekvadorskij kejs [Indian Coloring of the Latin American Politics: Regional Panorama and the Case of Ecuador]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/indeyskiy-raskras-latinoamerikanskoj-politiki-regional'naya-panorama-i-ekvadorskiy-keys/> (accessed: 22.01.2022), (In Russ.).
19. Munck R. Los movimientos sociales en América Latina. Cartografiando el mosaico. Montevideo, LALIBRE, 2021, 218 p.
20. State of the World's Indigenous Peoples: Rights to Lands, Territories and Resources. New York, United Nations, 2021, vol. 5, 178 p.
21. Мировой атлас социальных конфликтов вокруг экологических проблем. [Mirovoj atlas social'nyh konfliktov vokrug ekologicheskikh problem] [Global Atlas of Environmental Justice]. Available at: <https://ejatlas.org/> (accessed: 22.03.2022).
22. Шинкаренко А.А., Медина Гонсалес В.К., Некрасов Б.И. Концепция *Buen Vivir* в контексте экологизации международных отношений. *Иberoамериканские тетради*. М., 2021, 9(1), сс. 62-75. [Shinkarenko A.A., Medina González V.X., Nekrasov B.I. Konceptsiya Buen Vivir v kontekste ekologizacii mezhdunarodnyh otnoshenij] [The Concept of Buen Vivir in the Context of Green Theory in International Relations.]. *Iberoamerikanskie tetradi*. Moscow, 2021, 9(1), pp. 62-75 (In Russ.). DOI 10.46272/2409-3416-2021-9-1-62-75.
23. Чернышев А.Л. Борьба индейцев Мексики за землю и автономию. *Индийский мир перед вызовами XX века. Сборник статей*. Отв.ред. Чумакова М.Л., Мартынов Б.Ф. Москва, ИЛА РАН, 2011, сс. 38-57. [Chernyshev A.L. Bor'ba indejcev Meksiki za zemlyu i avtonomiyu] [The Struggle of the Indians of Mexico for Land and Autonomy]. *Indejskij mir pered vyzovami XX veka. Sbornik statej*. [The Indian World Before the Challenges of the Twentieth Century]. Moscow, ILA RAN, 2011, pp. 38-57.
24. Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений. *Вестник МГИМО-Университета*. М., 2019, 12(5), сс. 44-63 [Kretov S.M. «Vozrozhdenie etnichnosti» v globaliziruyushchemsya mire: primer latinoamerikanskih indejskih dvizhenij. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. M., 2019, 12(5), pp. 44-63

- noamerikanskikh indejskikh dvizhenij] ["Ethnic Revival" in Globalizing World: The Example of Indigenous Political Movements in Latin America]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Moscow, 2019, 12(5), pp. 44-63 (In Russ.). DOI 10.24833/2071-8160-2019-5-68-44-63.
25. Кузнецов Д.А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. М., 2020, № 2, сс. 44-70 [Kuznetsov D.A. Traektorii regional'nogo razvitiya Latinskoj Ameriki v XXI veke [Latin America in the 21st Century: Regional Development Trajectories]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. Moscow, 2020, N 2, pp. 44-70. (In Russ.).
26. Чернышев А.Л. Политизация этничности в эпоху глобализации: опыт Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2015, № 9, сс. 73-80 [Chernyshev A.L. Politizaciya etnichnosti v epohu globalizacii: opyt Latinskoj Ameriki. [Politicization of Ethnicity in the Era of Globalization: the Experience of Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 9, pp. 73-80. (In Russ.).
27. Пятаков А.Н. Латиноамериканский альтерглобализм — новый фактор региональной политики: автореферат. Дисс. канд. полит. наук. М., 2007, 26 с. [A.N.Pyatakov. Latinoamerikanskij al'terglobalizm — novyj faktor regional'noj politiki: avtoreferat. Diss. kand. polit. nauk. [Latin American alter-globalism as a new factor in regional policy: review. Diss. Cand.Sci. Polit.]. Moscow, 26 pp.
28. Клочковский Л.Л. Экономический гегемонизм США и Латинская Америка. *Латинская Америка*. М., 2005, №11, сс. 4-17. [Klochkovskij L.L. Jekonomicheskij gegemonizm SShA i Latinskaja Amerika] [USA Economic Hegemony and Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2005, N 11, pp. 4-17. (In Russ.).
29. Пятаков А.Н., Майданик К.Л. Альтерглобалистское движение в Латинской Америке: исторические корни, структура, борьба против проекта ALCA. [Pyatakov A.N., Majdanik K.L. Al'terglobalistskoe dvizhenie v Latinskoj Amerike: istoricheskie korni, struktura, bor'ba protiv proekta ALCA] [Alter-Globalization Movement in Latin America: Historical Roots, Structure, Struggle Against the ALCA Project 2005. (In Russ.). Available at: <http://saint-juste.narod.ru/maidanik2.html> (accessed: 22.03.2022).
30. ALBA. Available at: <https://www.albatcp.org/en/> (accessed: 22.03.2022).
31. Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году. ООН, 2015. [Doklad YUNESKO po nauke: na puti k 2030 godu. [UNESCO Science Report: Towards 2030]. UN, 2015. (In Russ.) Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406_rus (accessed: 22.01.2022).
32. Peoples movements declare, «We the people are UNASUR». 02.08.2018. Available at: <https://peoplesdispatch.org/2018/08/02/peoples-movements-declare-we-the-people-are-unasur/> (accessed: 27.06.2021).
33. MERCOSUR. Available at: <https://www.mercosur.int/en/about-mercosur/mercosur-in-brief/> (accessed: 22.03.2022).
34. Шинкаренко А.А. Эволюция экологического дискурса в Латинской Америке: традиции и новации. *Латинская Америка*. М., 2021, № 2, сс. 6-16. [Shinkarenko A.A. Evolyuciya ekologicheskogo diskursa v Latinskoj Amerike: tradicii i novacii] [Evolution of environmental discourse in Latin America: traditions and innovations]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2021, N 2, pp. 6-16 (In Russ.).
35. FILAC. Available at: <https://www.filac.org/quienes-somos/> (accessed: 22.03.2022).
36. Международное десятилетие языков коренных народов: ЮНЕСКО. [Mezhdunarodnoe desyatiletie yazykov korennyh narodov: YUNESKO] [The International Decade of Indigenous Languages 2022-2032: UNESCO]. (In Russ.). Available at: <https://ru.unesco.org/idil2022-2032> (accessed: 22.03.2022).
37. Derechos de los pueblos indígenas en la Comunidad Andina. Lima, Comunidad Andina, 2013, 48 p.
38. Бudyкина К.Ю., Тимофеева Ю.А. Пожары в Амазонии и отношения между Mercosur и ЕС. *Латинская Америка*. М., 2020, № 7, сс. 79-88. [Budykina K.Y., Timofeeva Y.A. Pozhary v Amazonii i otnosheniya mezhdru Mercosur i ES] [Amazon Wildfires and Mercosur — EU Relations]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 7, pp. 79-88 (In Russ.). DOI 10.31857/S0044748X0009863-8.
39. The Indigenous World 2022. IWGIA, 2022, vol. 36, 896 p.
40. Декларация ООН о правах коренных народов. [Deklaraciya OON o pravah korennyh narodov. [UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. (In Russ.). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (accessed: 27.05.2022).

Денис Кузнецов, Екатерина Хулио

41. Конвенция МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. [Konvencija MOT №169 o korennyh narodah i narodah, vedushchih plemennoy obraz zhizni v nezavisimyh stranah] [ILO Indigenous and Tribal Peoples Convention 169]. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/iol169.shtml> (accessed: 27.05.2021).

42. Vote on UN Indigenous Rights Declaration. Available at: <https://www.un.org/press/en/2007/ga10612.doc.htm> (accessed: 29.05.2021).

43. Ratifications of ILO Convention 107. Available at: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11300:0::NO::P11300_INSTRUMENT_ID:312252 (accessed: 29.05.2021).

44. Ratifications of ILO Convention 169. Available at: http://ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11300:0::NO::P11300_INSTRUMENT_ID:312314 (accessed: 29.05.2021).

45. Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации. *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Вып. 250. М., ИЭА РАН, 2016, 69 с. [Sokolovskij S.V. Politika priznaniya korennyh narodov v mezhdunarodnom prave i v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii] [The Policy of Recognition of Indigenous Peoples in International Law and in the Legislation of the Russian Federation]. *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii*. Vol. 250. Moscow, IEA RAN, 2016, 69 p.

46. Гарипов Р.Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве. *Международное право и международные организации*. М., 2013, № 3, сс. 408-420. [Garipov R.SH. Ponyatie «korennoj narod» i ih status v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave] [The Concept of «Indigenous People» and Their Status in International and Domestic Law]. *Mezhdunarodnoye pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. Moscow, 2013, N 3, pp. 408-420 (In Russ.). DOI 10.7256/2226-6305.2013.3.5362.

Denis A.Kuznetsov (kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru)

PhD (Political Science), Associate Professor of the Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University)

Ekaterina A.Hulio (eakhulio@gmail.com)

Master's Degree (Sociology), Graduate of the vocational retraining programme «International Relations», Moscow State Institute of International Relations (University)

Vernadsky pr., 76, 119454 Moscow, Russian Federation

International dimension of the indigenous problem in Latin America

Abstract. The article examines the modern trends of the indigenous peoples' development in Latin America and the obstacles of the indigenous population's actorness in achieving political potential at the regional and global levels of international relations. Considerable attention is paid to a degree of ethnopolitical movements representativeness in the region and the role of indigenous peoples in the evolvement of alter-globalization line. The article provides an analysis of the dominant discourse from the perspective of the post-colonial concept Subaltern Studies in two fundamental documents: The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples of 2007 and the International Labor Organization Convention N 169 of 1989. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the indigenous peoples of Latin America have significant political potential, but in fact they cannot fully realize it due to the dominant colonial discourse, which does not allow promote the indigenous agenda at the global level and suppresses the actor's ability of indigenous peoples.

Keywords: Latin America, indigenous renaissance, indigenous peoples, alter-globalism.

DOI: 10.31857/S0044748X0020915-5

Received 31.03.2022.